

М. Ю. Хрусталев

Кандидат исторических наук, доцент, СПбГЭУ

НОВГОРОДСКАЯ ГУБЕРНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

***Аннотация:** В статье затрагивается тема состояния и настроения общества на территории Новгородской губернии в годы Первой мировой войны. Рассматриваются процессы, лозунги, формы и виды деятельности, имевшие место в новгородском обществе в военный период и находившие отражение на страницах церковной периодической печати, какой являлись Новгородские епархиальные ведомости. Автор впервые представляет обобщенную характеристику сообщений о войне на страницах Новгородских епархиальных ведомостей. Особое внимание обращается на официальные документы, связанные с деятельностью Новгородской Церкви в военный период, ее социальное служение. Прослежен характер взаимодействия с другими общественными организациями, отражена степень участия народных масс и конкретных личностей в общественной жизни Новгородской губернии в военное время*

***Ключевые слова:** Первая мировая война, Новгородские епархиальные ведомости, Арсеньевский епархиальный дом, 20-й армейский корпус, 22-я пехотная дивизия.*

Начавшаяся 19 июля (1 августа) 1914 г. Первая мировая война хоть и обошлась на своем театре военных действий без Новгородской губернии, жертвы ее среди самих новгородцев были огромны. Практически из всех уездов губернии было призвано 206115 мужчин, что составляло более 12% всего населения губернии. Сколько из них вернулось с фронта, мы не знаем до сих пор.

Война вызвала горячий отклик у всех слоев населения Российской империи. Сообщения о войне на страницах Новгородских епархиальных ведомостей начали появляться уже с августа 1914 г. В официальной части публикуется высочайший манифест, в котором содержался призыв «забыть внутренние распри» перед лицом врага, давалось объяснение действий правительства — Россия вынуждена заступиться за «родственную нам страну» — Сербию, которой Австро-Венгрия предъявила заведомо неприемлемые для державного государства тре-

бования». На военное положение были переведены такие города Новгородской губернии, как Новгород, Старая Русса, Валдай, Крестцы, Боровичи, Тихвин, Демянск и даже удаленная от театра военных действий Устюжна.

Война представлялась как справедливая, носящая оборонительный характер. Священник Растороповской Вознесенской церкви Устюженского уезда А. Астреин, выступая с проповедью, отмечал, что «подвиг воинский равносителен подвигу иноческому, а потому те тяжко согрешают, которые уклоняются от военной службы».

Таким образом, в данном случае, церковная периодическая печать фактически служила проводником политики правительства. Помимо того, в ней начинают появляться различные циркуляры Святейшего Синода, отчеты Попечительских советов, лазаретов, богаделен и прочие официальные документы, связанные с деятельностью Церкви в военный период.

В числе прочих, 3–8 августа* призвали большую группу запасных и ратников государственного ополчения из Кирилловского уезда. Так, только из Вогнемской волости было мобилизовано 46 человек. Их имена и дата призыва известны из «Отчета о деятельности Попечительского совета Вогнемского прихода Богородице-Рождественской церкви». К нему приложена «Ведомость о лицах, призванных из запаса или Государственного ополчения в ряды войск, о пособиях, оказанных семействам Попечительским советом».

Государственная денежная помощь семьям «нижних чинов запаса и ратников ополчения» давалась на основании закона от 25 июля 1912 г. Казенным пособием пользовались жена и дети призванного, а также отец, мать, дед, бабушка, братья и сестры, если они до войны содержались посредством его труда. Размер пособия на одного члена семьи определялся из расчета стоимости продовольственного пайка, состоящего из пуда 28 фунтов муки, 10 фунтов крупы, 4 фунтов соли, фунта постного масла. Дети до пяти лет получали половину стоимости пайка, а достигшие 17 лет сыновья и не вышедшие замуж дочери должны были доказать свою нетрудоспособность. На основании ст. 80 того же закона начальникам учреждений предоставлялось право сохранять оклад или часть его, в зависимости от состава семьи или особых семейных обстоятельств, служащим учреждений, призванным на военную службу. Согласно закону, денежное пособие назначалось с момен-

---

* Даты в статье приводятся по старому стилю

та отправки мобилизованного на фронт, но фактически первая выдача осуществлялась только после обследования состава семьи. Последнее обстоятельство очень затягивало сроки начала выдачи пособий, особенно семьям, проживавшим в отдаленных от уездного центра деревнях. Выдача денежных пособий производилась на селе в волостных правлениях, в городе — в городской управе.

1–2 августа в городах проходили патриотические манифестации. На них присутствовали жители городов, крестьяне, духовенство, мобилизованные солдаты. Самыми распространенными лозунгами были «Боже, Царя храни», «Да здравствует русская армия», «Вечная память павшим воинам». В то же время наблюдались и случаи погромов винных лавок, как это было в г. Кириллове.

Новгородским епархиальным комитетом производился сбор пожертвований на нужды раненых и солдат действующей армии. Среди жертвователей были прихожане храмов губернии, настоятели и настоятельницы монастырей епархии, монастыри, учителя и учащиеся, приходские священники, помещики и крестьяне. Жертвовали: жилеты, фуфайки, бумазейные рубашки, вязаные шлемы, шерстяные носки и «дьянки», валенки, постельное белье, холст, портянки, полотенца, чай, сахар, деревянные ложки, табак, спички, трубки, мыло. Реалии же фронтовой жизни представлены в солдатских письмах. Солдат Григорий Бутылин пишет приходскому священнику: «...приходится без хлеба быть 3 и 4 дня, даже и без сухарика...». В 1914 г. от разных приходов и частных лиц было пожертвовано 27349 рублей 92 копейки на нужды армии. Для *22-й пехотной дивизии*, базировавшейся прежде в Новгороде, Епархиальным комитетом был отправлен груз весом 330 пудов, в особом вагоне, при сопровождении новгородского уездного наблюдателя церковно-приходских школ священника Михаила Войка и старосты церкви Феодора Стратилата купца Полканова. Это был ответ на обращение через «Епархиальный листок» полкового священника Николая Братановского оказать помощь данной дивизии обувью и теплыми вещами.

Распоряжением Новгородского губернатора, тайного советника М. В. Иславина и городских властей в городах Новгороде, Череповце, Боровичах были созданы многочисленные пункты питания для прибывавших беженцев и лазареты. 17 августа 1914 г. на заседании Кирилловского чрезвычайного уездного земского собрания было решено выделять ежемесячно по сто рублей на «содержание одной кровати в Нов-

городском этапном лазарете на все время войны». Новгородский этапный лазарет был оборудован на 50 кроватей и готовился для отправки на театр военных действий. Собрание также постановило поддержать инициативу пяти северных уездов Новгородской губернии о совместном устройстве и содержании госпиталя в г. Череповце для больных и раненых воинов.

При приближении линии фронта к Новгороду губернские и епархиальные власти опубликовали предписание о подготовке ряда монастырей к приему беженцев и раненых. Архиепископом Новгородским Арсением был отдан под устройство лазарета *Арсеньевский епархиальный дом*. 28 ноября 1914 г. в Новгород прибыла партия раненых в 400 человек после боя 21 ноября. Поезд встречали врио губернатора ст. советник И. В. Лисаневич, епископ Тихвинский Алексей (Симанский), архимандрит Юрьева монастыря Никодим. Семинаристы на носилках доставили раненых в лазареты. Из них в: Казенной палате — 20 человек, Григорово — 35 чел., Выборочное — 40 чел., в доме купца Стальнова — 25 чел., винном складе — 30 чел., городской богадельне — 30 чел., Епархиальном доме — 15 чел., соединенном клубе — 60 чел., мужской гимназии — 35 чел., земской больнице — 10 чел., реальном училище — 27 чел., в доме Лебедева — 50 чел., Красном Кресте — 15 чел. Как отмечалась в Новгородских епархиальных ведомостях: «В новгородских лазаретах раненые окружены всякими удобствами: в тепле, сыты, обуты, одеты». На нужды новгородских лазаретов архиепископ Арсений жертвовал ежемесячно. Он присутствовал при экзаменах слушательниц при Новгородской Екатерининской общине сестер милосердия, курсов запасных сестер милосердия Красного Креста военного времени. Экзамены проводились по предметам: общая хирургия, десмургия, асептика и антисептика. В 1914 г. звание сестер милосердия получили 33 человека.

Первого декабря 1914 г. в Боровичи прибыла партия раненых в количестве 286 человек, размещенных в лазарете Союза городов, находившегося в Свято-Духовом монастыре. Раненых встречали члены лазаретов, городской голова и пожарная дружина. Народ еще относился с душой к невольным жертвам войны. Крестьяне деревни Колмово и Юрьевской слободы добровольно вызвались, — без всякой платы везти раненых. Тяжелораненых несли на носилках гимназисты. Встречали с почтением, «одни в толпе молятся, другие плачут и все серьезны». Новгородцы не кричали «Ура!», шуму не место там, где раны и страдания.

Нижние чины, находившиеся на лечении в Епархиальном лазарете в Юрьевом монастыре, отмечали самоотверженность сестер-монахинь, ухаживавших за ними, что они «пронизаны к нам любовью, внимательно относятся и ухаживают с материнской заботливостью за всеми. Попечители, матушки игуменьи окрестных монастырей и многие граждане Новгорода и деревень, так радушно встретившие нас, все время посещают нас, беседуют и приносят гостинцы». При каждом новом привозе раненых везде стояли толпы народа, одевавшего их деньгами, булками, папиросами. Эта идиллия закончилась в 1915 г. Как отмечал один из новгородских священников, общество свыклось и не так остро чувствует боль раненых. Те, кто в начале войны ухаживал за ранеными, стали охладевать, и многие совсем не приходят в лазареты. «Раненых не забывайте! Грех на душе тех русских людей, которые не принимают участия в заботах о раненых», пишет с болью священник, окормлявший один из лазаретов. Он отмечал, что в одном из лазаретов есть обычай благословлять иконой отправлявшихся из лазарета домой на поправку или снова на позиции. Учили грамоте раненых, многие из которых отправляли домой письма подобного содержания: «Милая жена, я поправляюсь. Письмо пишу сам, здесь научили. Прощай».

Но пока еще шел 1914-й. Как отмечали Новгородские епархиальные ведомости, 9 августа в Ораниенбаум прибыл из Новгородской губернии, Старорусского уезда, Городецкой волости, деревни Устиг крестьянин Антон Годунок, «привезший вагон с печеньем, деревенским хлебом, солеными огурцами, табаком-махоркой, спичками и др. припасами солдатского обихода». На свои личные потребности у него оказался в кармане лишь медный пятак — собрано для раздачи запасным нижним чинам.

В 1914 г. патриотические настроения были в апогее, хотя в письмах с фронта проскальзывали и совсем пессимистические нотки. Солдат Семен Ильин, бывший церковным сторожем до призыва, пишет своей жене: «...кто счастливец из нас будет, кто останется в живых и вернется с поля брани повидать своих родных — вот счастливой тот денечек, кто останется живой, обниму свою супругу и скажу: теперь я твой; и к германцу не поеду и не буду воевать, а с тобой, своей голубкой, буду пашенку пахать...» В письме содержится завет родным «ходить в церковь Божию, чаще молиться, в надежде, что молитву услышит Бог из висока», что касается автора письма, то он «не пожалеет за Царя и Русь святую жизнь свою». В 1915 г. тон писем меняется. Учитель

земской школы Иван Бойцев пишет священнику Минецкой церкви Боровичского уезда Константину Добромыслову: «...все мы желаем скорого мира, но его нет. Я прошу Бога и надеюсь, — моя молитва будет услышана с другими многими... живем в лесу, в окопах, в ямах...»

В феврале 1915 г. при отходе из Восточной Пруссии 10-я русская армия потерпела тяжелейшее поражение: в Августовских лесах противником был окружен и разгромлен *20-й армейский корпус*. После тех тяжелейших событий поток раненых резко возрос. Об этом писали Новгородские епархиальные ведомости в феврале 1915 г. К приему раненных дополнительно разворачивались госпитали и лазареты в губернских и уездных городах. В Новгородской губернии Боровичская городская дума совместно с персоналом городской больницы сумели дополнительно разместить в лазаретах и частных домах 340 раненых. Пример подал сам городской голова М. Я. Шульгин, выделивший под лазарет один этаж своего дома. Война и общая беда сблизили всех. К августу 1915 г. в Боровичи прибывают беженцы из Польши и Прибалтики; их численность достигает 1200 человек. Почти все они устраивались на работу в городе в качестве рабочих местных заводов или же в услужение. По постановлению городской думы боровичский исправник Хлебников выдавал квитанции на получение бесплатного обеда в течение трех дней. Беженцам оказывалась денежная помощь, они снабжались одеждой и обувью, им предоставлялись дешевые квартиры.

Ярко проявилась благотворительная деятельность одного из древнейших монастырей Новгородской епархии Кирилло-Белозерского. Уже в сентябре 1914 г. в Новгородский епархиальный комитет «на устройство и содержание монастырского лазарета при Юрьеве монастыре» поступили пожертвования: от епископа Кирилловского Иоанникия «из личных сумм» — 200 рублей, из монастырских сумм — 200 рублей, от братии монастыря — 200 рублей. И в последующие годы от епископа и братии ежемесячно поступали денежные средства в Новгородский епархиальный комитет «для лазарета и для отсылки в действующую армию». В 1915–1916 гг. в монастыре оборудовали для приема беженцев из западных губерний помещения на 15 человек в монастырской гостинице. В одном из монастырских зданий разместился лазарет, в официальных документах того времени называвшийся «интернатом-патронатом» для больных и раненых воинов, открытым 8 сентября 1915 г. по инициативе епископа Иоанникия. Медикаменты для него отпускались бесплатно по решению, принятому на заседании

земского собрания 12 ноября 1915 г. На протяжении 1916 г. в нем находилось около 20 человек. К 1 января 1917 г. оставалось 8 человек, так как многие выздоровели и уехали из Кириллова, а новые раненные уже не поступали.

По предложению Попечительских советов односельчане оказывали помощь семьям солдат безвозмездным трудом: пахали, косили, жали, заготавливали дрова. Вся информация о денежной и вещевой помощи фиксировалась в «Ведомости денежных и вещевых поступлений Новгородского епархиального комитета».

Списки жертвователей с указанием конкретных сумм или вещевых поступлений регулярно публиковались на страницах «Новгородских епархиальных ведомостей». Законоучитель Угловской церковно-приходской женской школы сообщает о подарках, подготовленных учащимися 2 и 3 отделений. В каждую посылку девочки вкладывали письма: «Угловской школы ученицы Агафии Матвеевой. Шила кисет и положила табаку и бумаги, и посылаю вам, кому достанется. Курите на доброе здоровье. Дай вам Господи доброва здоровья и помощи вам, Господи, Царица Небесная и Николай чудотворец и все святые угодники всех сильных врагов победить». Священник Николай Озеров и учительница Клавдия Ракова сообщали читателям Епархиальных ведомостей, что в Кирилловской городской земской школе девочки «шьют для солдатиков кисеты, а мальчики наполняют их табаком, конфетами из своих скудных средств, при этом лишая себя удовольствия полакомиться калачиком, конфетою и даже лишнею чашкою чая, экономя кусочек сахарку, чтобы из этой экономии уделить что-либо для солдатика, ушедшего на войну...» Благотворительная деятельность детей была замечена и по достоинству оценена. Подарки и пожертвования поддерживали голодающих в окопах солдат, которые благодарили детей в своих письмах: «21 декабря 1914 года. Милые девочки спешим послать вам сердечное спасибо за ваши посылки, кисеты и поздравляем с Рождеством Христовым. Получили от Кати Владимировой и Мани Комаровой. Еще раз сердечное спасибо. 88 Петровского полка А. Владимиров».

Источники по-разному и неоднозначно оценивают отношение различных слоев населения к войне. Общая оценка историков сводится к признанию патриотического подъема, охватившего всю страну — от династии Романовых до крестьян. При этом ссылаются на такие факты как прекращение забастовок, успешная мобилизация, добровольческая запись в армию (туда бегут семинаристы и гимназисты), крупные

пожертвования на нужды обороны. Первая мировая война всколыхнула и школу. Проявления патриотизма, стремление сделать что-нибудь полезное для отечества, высокий подъем духа были характерными для юношества того времени.

Но почему же все-таки патриотические чувства не смогли сцементировать российское общество, создать атмосферу вакуума вокруг любых «пораженцев» и помочь народу стойко переносить тяготы военного времени? Ответ на него приближает к постановке и осмыслению более общей проблемы — каким являлся уровень социокультурной и политической «зрелости» российского общества, насколько его реакция уже в первые дни войны была адекватна объективно назревшим потребностям страны.

Энтузиазм, характерный для начального периода войны, а точнее для ее первого года, постепенно стал затухать, и количество денежных пожертвований и вещевых сборов год от года уменьшалось. Основной причиной такого явления стало постепенное обнищание основной массы крестьянского населения. Священник Димитрий Лесницкий указывал в отчете о работе Попечительского совета, что «собирать пожертвования трудно. Семьи обнищали, все думают только об одном, как прокормить свое семейство и скот. Цены растут. Население продает скот. Трудоспособное население ушло на фронт или на заработки в другие губернии...» Несомненно, стоит указать, что рост цен первую очередь обуславливался действиями спекулянтов.

Затянувшаяся война требовала мобилизации всех ресурсов, появления новых законов, жестко регулирующих все стороны жизни населения, что также вызывало широкое недовольство. В 1915 г. было опубликовано обязательное постановление, подписанное Новгородским губернатором, «воспреещающее изготовление каких-либо опьяняющих напитков из денатурата, одеколона, политуры и других спиртосодержащих средств». Уличенные в этом подлежали заключению в тюрьму на три месяца или денежному штрафу до трех тысяч рублей. Съезд депутатов от духовенства и представителей церковных старост 3-го округа Кирилловского уезда активно поддержал эти меры и высказал пожелание о прекращении продажи алкогольных напитков навсегда. Обер-прокурор Синода доложил о таком решении Николаю II, наложившего резолюцию: «Сердечно благодарю». В Новгородской губернии запрещалась скупка от воинских чинов съестных запасов, обмундирования, вооружения, белья. Купцы, торгующие рожью, пшеницей, маслом, были обязаны по пятницам (накану-

не торгов) сообщать городскому голове или старостам полные сведения о наличии у них товара. 30 января 1916 г. в «Новгородских епархиальных ведомостях» было опубликовано обязательное постановление «О воспрещении вывоза овса из Череповца, Кириллова, Белозерска и их уездов за пределы уездов за исключением овса, купленного для армии». Смысл этого распоряжения состоял в том, что овес относился к фуражу и спекуляция им в условиях военного времени могла повлечь за собой далеко идущие последствия.

К осени 1916 г. тяготы войны стали ощутимы для всего населения России. Неудачный ход войны, большие потери, недостаточное снабжение армии (еще с самого начала военных действий) оружием, боеприпасами, продовольствием возбуждали недовольство и ропот в солдатской массе, порождали толки об «измене» среди «начальства». Призыв в армию большого количества мужчин вызвал недостаток рабочих рук в деревне. Усиленные перевозки военных грузов привели к расстройству работы железнодорожного транспорта и перебоям в снабжении мирного населения продовольствием.

В городах Новгородской губернии начались стачки и демонстрации, равно как и на всей территории Российской империи. Волнения рабочих поддержали солдаты запасных полков, расквартированных в уездных городах. После июля-августа 1916 г. упоминаний о войне на страницах Новгородских епархиальных ведомостей практически нет. Тема войны начинает уступать место проблемам трезвости, звучит осознание того, что война затянулась. Из множества рубрик, сообщений и отзывов на страницах епархиальной печати остаются лишь две — «Около войны» и «Участники войны — воспитанники семинарии». К концу 1916 г. исчезают и они. Остаются только «Ведомости поступлений в Епархиальный комитет на помощь раненым и семьям призванных на войну». В домах и семьях остается один главный вопрос о куске хлеба. В магазинах нет хлеба, а деревня на просьбы продажи и привоза хлеба отвечает молчанием. Таковы были суровые реалии 1917 г. Последние поступления раненных в епархиальный лазарет относятся к концу февраля 1917-го, а к концу года уже не было никого.

Появившиеся в ходе Первой мировой войны социально-экономические и политические проблемы, требовали немедленного разрешения, и населению было уже не до патриотизма. Затронувшие все население страны и Новгородской губернии в частности, они отодвинули пафос патриотизма и помощь ближнему на второй план.

Источники и литература

1. Российский государственный архив древних актов. Ф. 1441. Оп. 3. Д. 2077. Л. 32.
2. Высочайше учрежденная Чрезвычайная Следственная комиссия // Приходская жизнь. 1916. №3. С. 189.
3. Витушкин С. Первая мировая война: Взгляд из Новгорода // Чело. 2004. №2. С. 50.
4. Журналы Кирилловского уездного земского собрания. Кириллов: ОПИ КБИАХМЗ, 1914.
5. Зигель И. А. Деятельность Новгородской губернской администрации и органов местного самоуправления в годы Первой мировой войны: диссертация... кандидата исторических наук: 07.00.02. Великий Новгород, 2003, 206 с.: 61 03–7/934–8.
6. Корнилов Л. В. В первую мировую // Новая жизнь. 1976. №2.;
7. Милюков П. Н. Как принята была война в России? // Воспоминания. М., 1991. С. 157–162.
8. Новгородские епархиальные ведомости. 1914. №32, 36, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51–52;1915. №1–2, 4, 5, 9, 10. 32–33, 36, 43;1916. №6;1917. №1–3.
9. Пушкарев С. Перемены на западном фронте (Россия в Первой мировой войне) // Пульс. 2004. №3. С. 6;
10. Свящ. Ландышев Е. Памятка русскому солдату, идущему на войну // Приходская жизнь. 1916. №1. С. 48.